
УНИКАЛЬНАЯ НАХОДКА МОДЕЛИ НОСА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ЯМНОЙ КУЛЬТУРЫ В КУРГАНЕ НА РЕКЕ МОЛОЧНОЙ (УКРАИНА)

Юрий Рассамкин

*Он взял бережливо найденный нос в обе руки,
сложенные горстью, и еще раз рассмотрел
его внимательно*

Н.В. Гоголь, «Нос»

Ключевые слова: энеолит, эпоха ранней бронзы, ямная культура, смолистые вещества, деготь, подкурганые погребения.

Курган 24 был исследован автором в 1984 году, в период работы Запорожской археологической экспедиции Института археологии НАНУ (нач. В.В. Отрощенко) в зоне строительства Северо-Рогачикской оросительной системы. Курган находился у с. Виноградное Токмакского р-на Запорожской обл. (Отрощенко и др. 1984, 51-79). Он был одним из самых высоких курганов, которые располагались цепочкой вдоль края плато правого высокого берега р. Молочной, в 3 км от южной окраины села. С его вершины были хорошо видны другие высокие курганы, расположенные на высоких выступающих мысах, и открывался чудесный вид на широкую пойму реки. Поверхность кургана никогда не распахивалась. Современная высота составляла 5 м, диаметр 54×62 м. Северная пола крутая, южная – более пологая и несколько удлинена.

Глубина древнего горизонта 5,3 м от «0», мощность 0,35 м. Древний горизонт фиксировался только в пределах первой насыпи эпохи энеолита. Курган сооружен в 11 приемов и имел восемь насыпей и три локальные досыпки. В нем исследованы 35 погребений: три – энеолитические (№ 21, 27 и 30); 16 – ямной культуры (№ 2, 5, 7-9, 14, 16, 18, 20, 20а, 23-25, 28, 29 и 31); шесть – т.н. раннекатакомбных (№ 11, 15, 19, 22, 26 и 34); шесть – ингульской катакомбной культуры (1, 6, 12, 17, 32 и 33); одно – культуры многоваликовой керамики (№ 13); одно – киммерийское (№ 4) и два – неопределенных (№ 3 и 10)¹.

¹ Энеолитические погребения и некоторая информация о кургане опубликованы (Рассамкин 1990, 66-69). Автор готовит полную публикацию материалов

Большинство погребений кургана от эпохи энеолита до эпохи средней бронзы вместе с насыпями и досыпками образуют надежно установленную стратиграфическую колонку. Несмотря на интереснейшие материалы из многочисленных инвентарных погребений эпохи ранней бронзы, включая наличие в нескольких из них остатков деревянных колес и деталей от повозок, особый интерес вызвало погребение 18 ямной культуры благодаря одной неожиданной детали.

Это погребение было стратиграфически одним из наиболее поздних среди погребений ямной культуры. Уровень его впуска фиксировался в профиле одной из бровок. Погребение было перекрыто локальной досыпкой VII, мощностью 0,6 м. Оно предшествовало еще двум ямным погребениям 25 и 14, а также погребению 15 – первому из впускных раннекатакомбных погребений, перекрытых насыпью VIII. Затем в курган были впущены последовательно раннекатакомбные погребения, перекрытые досыпками, а позже – погребения ингульской катакомбной культуры. Для большинства стратифицированных погребений удалось также получить 23 радиоуглеродные даты. 11 из них опубликованы (Рассамкин 2006, 131-153; Görtsdorf, Rassamakin, Häusler 2004); теперь вся серия требует более детального анализа в контексте стратиграфии кургана.

Для интересующего нас погребения по образцу дерева из перекрытия была получена дата в Берлинской лаборатории Немецкого Археологического Института: (Вln 4690) 4168±38 ВР. Соответственно, калибрационные интервалы по программе OxCal 3.10 составили: δ1 2880-2850, 2820-2670; δ2 2880-2620 ВС., что хорошо вписывается в общую шкалу абсолютных дат для ямных и раннекатакомбных погребений кургана.

Погребение 18 (рис. 1; 2) было совершено в яме с уступами. Верхняя часть ямы в плане не

Рис. 1. с. Виноградное, курган 24: общий вид погребения 18 (фото Ю.Я. Рассамкина).

прослежена, но ее разрез хорошо фиксировался в профиле бровки. Яма заполнена рыхлым комковатым черноземом. Уступы оставлены на глубине 3,1 м от поверхности кургана (5,4 м от «0»). Стенки верхней ямы к уступам расширялись.

Яма ниже уступов прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирована по оси ССЗ – ЮЮВ. Стенки ямы ко дну расширяются. Длина ямы по дну 2,0 м, ширина 1,52 м, глубина дна 4,4 м от поверхности кургана (6,7 м от «0»). Яма перекрывалась поперек бревнами, просевшими в ее заполнение. Скелет взрослого человека лежал в скорченном положении на правом боку, головой на СЗ². Руки вытянуты, правая лежала тела, ее кисть была согнута под прямым углом, очевидно, перво-

начально упиралась в бедро правой ноги. Левая рука лежала на теле, а ее кисть была зажата между бедренными ногами. Ноги согнуты под прямым углом к телу и острым в коленях. Кости окрашены охрой, особенно интенсивно череп. В области височных костей черепа были найдены две серебряные спиралевидные подвески (1). На лицевой части сильно раздавленного черепа обнаружена объемная модель носа из смолы (2), окрашенная яркой красной охрой. В зубах находилась зажата смоляная пластинка с их отпечатками. По дну прослежена толстая меловая подсыпка, очерчивающая прямоугольную зону подстилки, ее размеры 1,65×1,05 м.

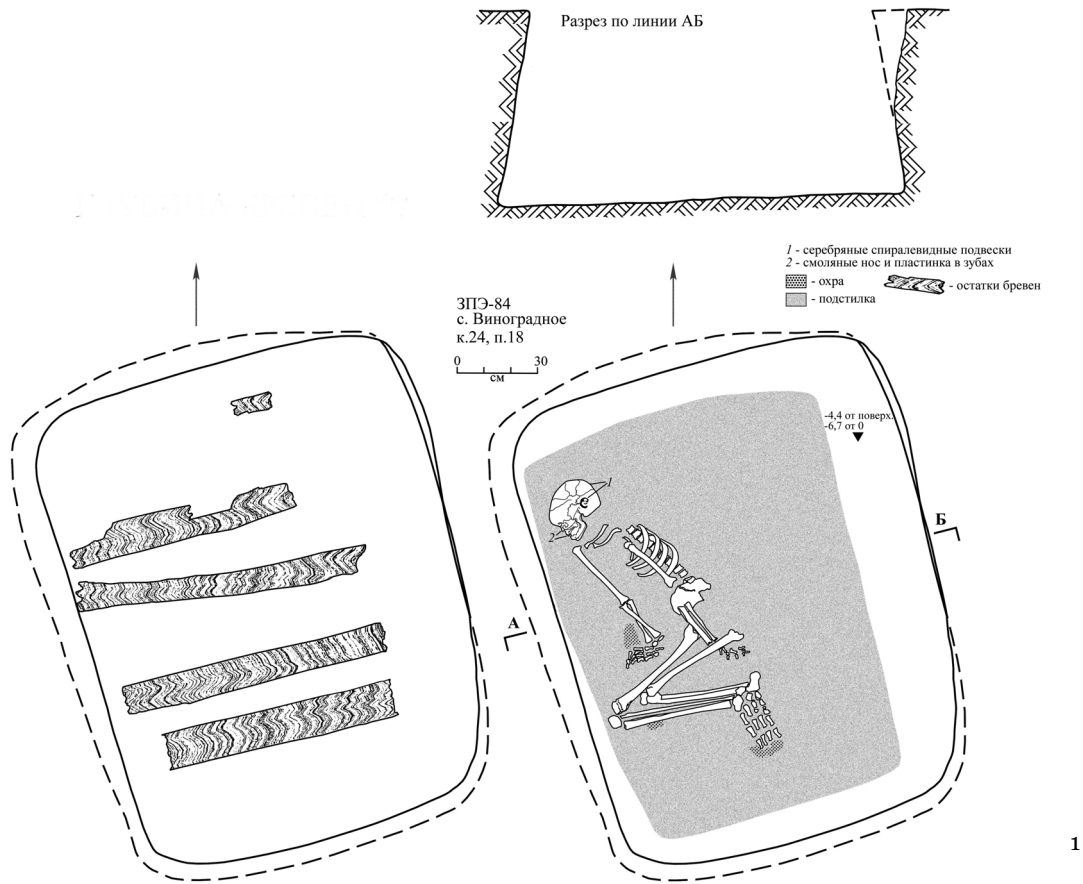
Описание находок:

1. Серебряные височные подвески в два с половиной оборота (2 экз.), изготовлены из тонкой, круглой в сечении проволоки, со слегка расплюснутыми и закругленными концами. Диаметр подвесок 0,6 см, длина 1,5 см (рис. 3).
2. Модель носа, образованная вследствие обмазки тонким слоем жидкой смолы кончика естественного носа умершей перед погребением (рис. 4; 5).

Несмотря на наличие редко встречаемых серебряных височных подвесок, в этом комплексе особый интерес вызвала модель носа, хорошо сохранившего свою естественную форму³. По сути, это был слепок, образовавшийся после того, как незадолго до погребения нос умершей ниже переносицы был тщательно обмазан тонким слоем жидкой смолы, окрашенной сверху красной охрой. Слепок сохранил хорошо выраженные детали, которые прекрасно передают естественную форму носа умершего человека, его рельефность, объем, ноздри и переход к верхней губе, а также к переносице. Конечно, форма несколько деформировалась в процессе разложения мягких тканей и затвердевания смолы, но тем не менее она отражает реальные черты лица представителя местной ямной культуры, что само по себе уникально.

² К сожалению, сохранность скелета, в частности, черепа была крайне плохой (рис. 1), но присутствующая при раскопках антрополог Е.А. Шепель установила, что скелет принадлежал относительно молодой женщине.

³ Аналогичные подвески от 1,2-2 до 3,5 оборотов в Северо-Западном Приазовье (тип 1 по классификации автора) представлены в 8 погребениях ямной культуры из 589 изученных автором (Рассамкин 1992б, 94).

1

Менее выразительной оказалась короткая рельефная смоляная пластинка, зажатая в зубах умершей, которую сложно проиллюстрировать. На ней просматриваются отпечатки нескольких зубов и, очевидно, складка, передающая отпечатки сомкнутых губ.

Само наличие смолы на костях погребенных не является явлением уникальным, хотя и редким. Кроме того, известны погребения, где найдены «лепешки» затвердевшей смолы, уложенные, очевидно, первоначально в жидком состоянии в специальные мешочки. Автор всесторонне не исследовал эту тему, но отметил случаи, когда подобные находки встречались в процессе раскопок, прежде всего, в ямных и так называемых раннекатакомбных погребениях, в частности, в курганах бассейна р. Молочной (Рассмакин 1992а, 10)⁴. Собственно, в этом же кургане 24, в ямном погребении 24 (Rassamakin 1999, fig.

2

Рис. 2. с. Виноградное, курган 24: 1 - общий вид, остатки перекрытия и разрез ямы погребения 18; 2 - акварельный рисунок погребения 18.

⁴ В погребениях Северо-Западного Приазовья смола была найдена в 13 случаях, что составляло 2,2% изученных погребений региона (Рассмакин 1992б, 111).

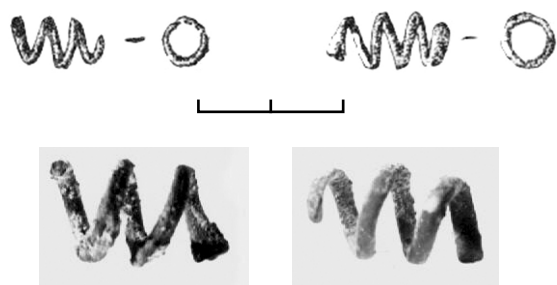

Рис. 3. с. Виноградное, курган 24, погр. 18: серебряные височные подвески.

3.50/3) у головы умершего лежала «лепешка» смолы, сохранившая форму небольшого, очевидно, кожаного мешочка со следами складок от него, а в раннекатакомбном погребении 22 того же кургана, в районе черепа, были найдены кусочки смолы, два из которых сохранили фаселевидную форму. По мнению автора, они могли закрывать ушные раковины и, возможно, ноздри. В недалеком расположенном от кургана 24 кургане 3, в парном погребении 7 ямной культуры у одного из скелетов правая глазница и ноздревые отверстия были «забиты» смолистым веществом, а в погребении 25 (Rassamakin 1999, fig. 3.50/7) кусочки смолы были найдены возле носовых отверстий.

Два очень выразительных раннекатакомбных погребения были исследованы Молочанской экспедицией под руководством А.И. Тереножкина в 1951-1952 годах возле с. Новофилиповка, недалеко от г. Мелитополя: группа «Аккермень I», курган 14, погр. 7 и курган 20, погр. 1 (Вязьмитина та ін. 1960, 62, 126-127, рис. 46; 92). В первом случае слой смолы закрывал значительную часть черепа, на лобной части которого был отмечен след сильного рубящего удара, проломившего кость, а между позвонками поясницы и ребрами правой стороны был найден кремневый наконечник стрелы (Вязьмитина та ін. 1960, 62). Во втором случае слой смолы с сохранившимися на нем отпечатками волос находился под черепом, но по мнению авторов раскопок первоначально закрывал весь череп.

Эти оба случая отметил Л.С. Клейн, который предложил очень интересную гипотезу, связанную с использованием смолы как своеобразного клея для прикрепления к головам

умерших срезанных с них скальпов, рассмотрев смысл этих действий на фоне этнографических, письменных и археологических источников (Клейн 1961).

Случаи находок смолы отмечены и на других территориях. Например, в двух погребениях ямной культуры Днепровского Левобережья, в бассейне р. Самара, у с. Новошандровка, курган 3, погр. 2 и с. Вербки, гр. I, курган 9, погр. 2. В первом случае среди костей лицевого отдела упомянуты два «тампона» из смолистого вещества, закрывавших грушевидные отверстия. Во втором случае на лицевых костях черепа были собраны, «фрагменты погребальной маски из черного смолянистого вещества», а грушевидное отверстие также закрывали «тампоны». Автор публикации даже рассматривает эти находки как случаи частичного или полного портретирования, отражающие высокий социальный статус погребенных (Марина 1998, 53-54).

В Северо-Восточном Приазовье в ямных погребениях отмечены два случая находок небольших «лепешек» смолы, окрашенных охрой (Санжаров 2001, 26), а в трех раннекатакомбных погребениях (Огородное, к. 3, погр. 6; Жданов, Виноградники, к. 1, погр. 8 и Калиновка, к. 1, погр. 10) при пяти скелетах «у черепа на лице» обнаружена смола в виде небольших лепешек (Санжаров 2001, 54).

О четырех случаях находок смолы в погребениях эпохи средней бронзы из курганов бассейна р. Северский Донец (Тельмана, к. 1, погр. 9; Гончаровка, к. 1, погр. 5а и 5б; к. 1, погр. 6) пишет В.Ю. Выборный. Им была поставлена задача выяснить ее физико-химический состав и на основании сравнения с результатами аналогичного анализа двух современных образцов битума и прополиса определить характер использования смолы (Выборный 1990). Все образцы из погребений по составным элементам оказались более близкими к прополису, чем к битуму. Поэтому исследователь не исключил, хотя и не бесспорно, прополисное происхождение смолы из погребений, а следовательно, ее использование в лечебных целях (Выборный 1990, 53), но результаты самих анализов опубликованы не были.

К сожалению, анализы смол из упомянутых выше погребений эпохи ранней бронзы не

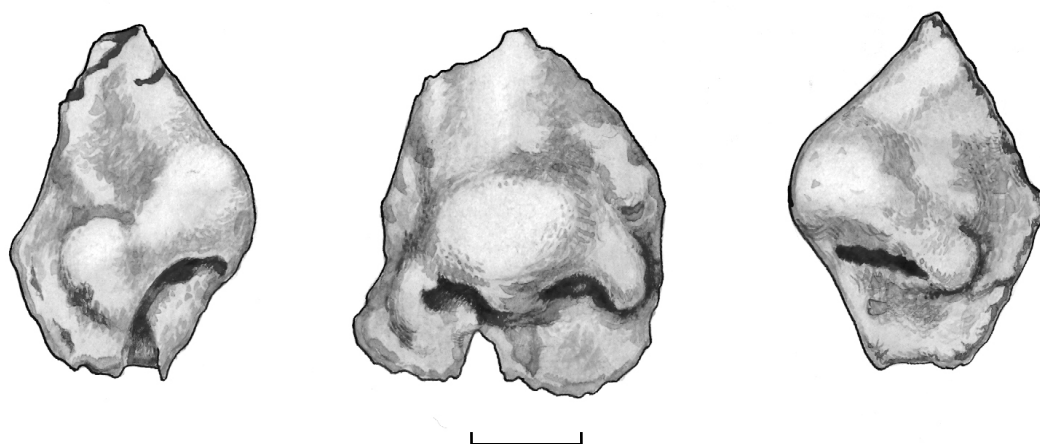

Рис. 4. с. Виноградное, курган 24, погр. 18: смоляной слепок носа, акварельный рисунок.

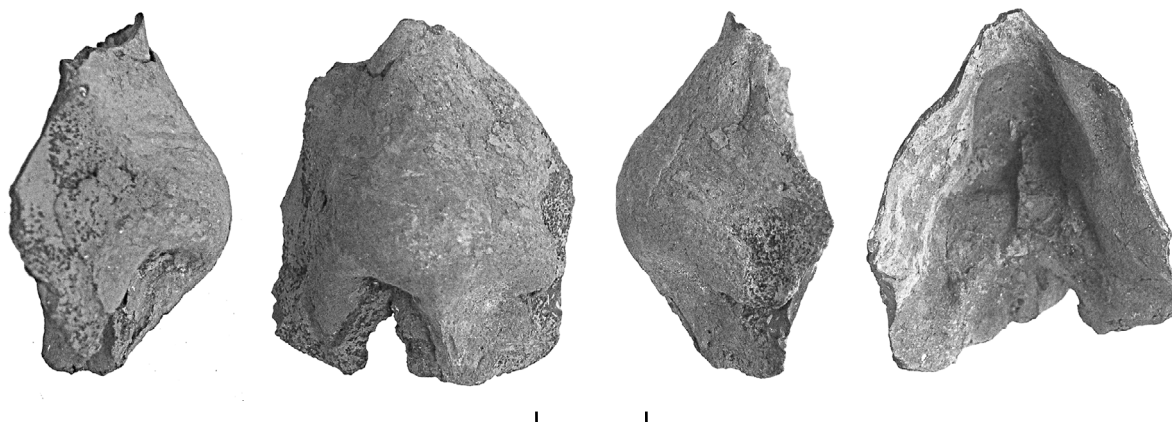

Рис. 5. с. Виноградное, курган 24, погр. 18: смоляной слепок носа (фото Ю.Я. Рассмакина).

проводились. Определенный свет на характер ее возможного использования проливают находки смолы из более древних погребений, указывая на более раннее появление этой традиции. В кургане 2 у с. Облои, Голопристаньского района, Херсонской области (Украина) древнейшими были погребения эпохи позднего энеолита, составлявшие небольшой подкурганский могильник (Евдокимов, Рассмакин 1988, 79-83). В трех погребениях (№ 11, 16 и 23) была обнаружена смола (Евдокимов, Рассмакин 1988, рис. 2, 3, 5, 6). В погребении 11 кусок смолы лежал у лобной кости погребенного. В погребении 16 кусок смолы в виде стержня длиной 5,5 см находился у основания черепа (рис. 6/1), а недалеко от левого плеча лежала «лепешка» смолы правильной овальной

формы с мелкими, хорошо видимыми на всей поверхности белыми кольцевидными включениями – длиной 9,5 см, шириной 7,5 см, толщиной до 2 см (Евдокимов, Рассмакин 1988, рис. 3, 6, 9) (рис. 6/2). Еще в одном случае, в погребении 23, один кусок смолы был найден у челюсти, а большая смоляная пластина, имевшая размеры 11×7,5 см, прикрывала правую лопатку погребенного повторяя форму последней (рис. 6/3). Пробы смол из погребений 16 и 23 были проанализированы проф. Е. Лангером (Отдел химии университета им. А. Мицкевича в Познани) в рамках проекта по изучению древнейшего производства дегтя. Оказалось, что смола из обоих погребений происходила из одного «замеса» и представляла смесь березы и сосны, в пропорции 2:1, полученной

Рис. 6. с. Облои, курган 2, смола из погребений: 1, 2 - погр. 16; 3 - погр. 23 (фото Г.И. Лысенко).

в результате сухой дистилляции. Другими словами, это был деготь с хорошо известными его лечебными свойствами (Koško, Langer 1986; Евдокимов, Рассамакин 1988, 90).

Интересно, что позднее, в той же лаборатории, был исследован образец смолы с трипольского мега-поселения Тальянки этапа Триполье С/І, анализ которого показал исключительно физическую чистоту субстанции без включений минеральных или органических материалов (например, луба) (Косько, Лянгер 2000, 135-137). При этом исследователи отмечают близость химического состава этой пробы к составу смол из погребений в Облоях⁵, хотя в них подобные включения визуально были хорошо видны. С другой стороны, исследователи отметили отличие результатов анализа из Тальянок от данных, полученных для памятников кувявской области культуры воронковидных кубков. Это дало основание сделать вывод о том, что производство дегтя на востоке Европы было более совершенным в результате двойного процесса, который давал возможность лучше очищать продукт (Косько, Лянгер 2000, 135-137). Относительно использования древнего дегтя авторы указывают на такие его функции, как применение в качестве клея, для консервации и в лечебно-

магических целях (Косько, Лянгер 2000, 137), включая, например, лечение болезней кожи, а также в качестве антисептика для защиты ран.

Судя по характеру размещения смолы на скелетах в погребениях эпохи ранней бронзы, предпочтение, по-видимому, нужно отдать ее лечебно-магическим функциям, и публикуемый здесь слепок носа каким-то образом связан именно с этим. С другой стороны, также примечателен тот факт, что смолой, очевидно, могли закрываться ушные раковины и ноздри уже умершего человека, что должно было бы подтвердить магическую составляющую обряда. Но автор пока далек от мысли проводить какие-либо параллели с традицией «портретирования» черепов в погребениях ингульской катакомбной культуры.

⁵ Погребения в Облоях, как и другие близкие позднеэнеолитические могильники в курганах данного региона, хронологически соответствуют периоду Триполье С/ІІ (Евдокимов, Рассамакин 1988, 90; Рассамакин, Евдокимов 2010, 23-26).

Библиография

- Выборный 1990:** В.Ю. Выборный, Об одном из нетрадиционных изделий погребального обряда. В: Тезисы докладов областной научно-практической конференции «Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца (Луганск, 1990) (Луганск 1990), 51-53.
- Вязьмітіна та ін. 1960:** М.І. Вязьмітіна, В.А. Іллінська, Є.Ф. Покровська, О.І. Тереножкін, Г.Т. Ковпаненко, Кургани біля с. Ново-Пилипівки і радгоспу “Аккермень”. В: Археологічні пам’ятки УРСР, VIII, 1960, 22-135.
- Евдокимов, Рассмакин 1988:** Г.Л. Евдокимов, Ю.Я. Рассмакин, Два позднеэнеолитических могильника на юге Херсонщины. В сб.: (Отв. ред. О.Г. Шапошникова) Новые памятники ямной культуры на юге Украины (Киев: Наукова думка 1988), 79-92.
- Клейн 1961:** Л.С. Клейн, Черепа, покрытые смолой, в погребениях эпохи бронзы. Советская этнография 2, 1961, 105-109.
- Косько, Лянгер 2000:** О. Косько, Ю. Лянгер, Дігтярство в трипільській культурі. Археологія 4, 2000, 135-138.
- Марина 1998:** З.П. Марина, Погребения ямной культуры Днепровского Левобережного Предстепья с изделиями из металла. В сб.: (Відп. ред. І.Ф. Ковальова) Проблеми археології Подніпров’я (Дніпропетровськ: ДДУ 1998), 47-57.
- Отрощенко и др. 1984:** В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассмакин Ю.Я., Л.Ф. Константиnescу, Е.В. Нор, О.В. Поляцкий, И.П. Савовский, Отчет о раскопках Запорожской экспедиции в 1984 году. Научный архив Института археологии НАН Украины, № 1984/10.
- Рассмакин 1992а:** Ю.Я. Рассмакин, Энеолит и ранний бронзовый век Северо-Западного Приазовья. Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук (Киев 1992).
- Рассмакин 1992б:** Ю.Я. Рассмакин, Энеолит и ранний бронзовый век Северо-Западного Приазовья. Рукопись диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук (Киев 1992). Научный архив Института археологии НАН Украины, Фонд диссертаций, № 718.
- Рассмакин 1990:** Ю.Я. Рассмакин, Енеолітичні поховання Північно-Західного Приазов’я. Археологія 1, 1990, 64-74.
- Рассмакин 2006:** Ю.Я. Рассмакин, Курган біля с. Старобогданівка та деякі проблеми абсолютної хронології доби ранньої бронзи басейну р. Молочної. Матеріали та дослідження з археології Східної України 5, 2006, 122-156.
- Рассмакин, Евдокимов 2010:** Ю.Я. Рассмакин, Г.Л. Евдокимов, Новый позднеэнеолитический могильник на юге Херсонщины в свете региональных исследований степного энеолита. Донецкий археологический сборник 13-14, 2010, 7-29.
- Санжаров 2001:** С.Н. Санжаров, Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья (Луганск: изд-во ВНУ 2001).
- Görsdorf, Rassamakin, Häusler 2004:** J. Görsdorf, Yu. Rassamakin, A. Häusler, ¹⁴C-Datings of Mound 24 of the Kurgan Group near Vinogradnoe Village, Ukraine. In: (Eds. T. Higham, C. Bronk, C. Owen) Radiocarbon and Archaeology: Fourth International Symposium, St Catherine’s College, Oxford, 9-14th April, 2002 (Oxford: Oxford University School of Archaeology 2004), Monograph 62, 127-134.
- Koško, Langer 1986:** A. Koško, J. Langer, Z badań nad wytwarzaniem i użytkowaniem dziegiu w neolicie. Kwartalnik Historii Kultury Materialnej 4, 1986, 587-600.
- Rassamakin 1999:** Yu. Rassamakin, The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500-2300 BC. In: M. Levine, Yu. Rassamakin, A. Kislenko, N. Tatarintseva, Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe (McDonald Institute Monographs, University of Cambridge 1999), 59-182.

O descoperire unică a unui model de nas în înmormântarea culturii Jamnaja din tumulul de pe râul Moločnaja (Ucraina)

Cuvinte-cheie: eneolitic, epoca bronzului timpuriu, cultura Jamnaja, substanțe rășinoase, gudron, înmormântări tumulare.

Rezumat: În lucrare este publicat mormântul unei femei tinere, atribuit culturii Jamnaja. Pe partea din față a craniului, puternic zdrobit, a fost descoperit modelul volumetric al unui nas, realizat dintr-o substanță rășinoasă, vopsit cu ocră de culoare roșie-aprinsă. Masca s-a format datorită faptului că, la scurt timp înainte de înhumare, nasul defunctei, mai jos de baza acestuia, a fost uns cu un strat subțire de rășină lichidă, vopsit deasupra cu ocră roșu. Modelul a păstrat bine detaliile care transmit perfect forma naturală a nasului defunctei, relieful acestuia,

volumul, nările și trecerea la buza superioară precum și baza nasului. Deși piesa a fost puțin deformată în procesul de descompunere a țesuturilor moi și de întărire a rășinii, aceasta reflectă caracteristicile reale ale reprezentantului local al culturii Jamnaja, care, în sine este unic.

Mai puțin expresivă a fost o placă scurtă de rășină fixată între dinții decedatei. Pe aceasta pot fi urmărite amprente mai multor dinți și, evident, amprente buzelor strănse.

În baza acestei descoperiri, autorul analizează alte cazuri de identificare a rășinilor în înmormântările epocii bronzului timpuriu (în mormântările culturii Jamnaja și cele aparținând tipului timpuriu al culturii în mormântărilor în catacombe). Pentru determinarea caracterului folosirii rășinii autorul utilizează exemple din morminte mai vechi ale epocii eneolitice tardive. Analizele rășinilor au demonstrat că este vorba despre gudron. Prin urmare, autorul consideră că în eneoliticul tardiv și bronzul timpuriu rășina era utilizată în scopuri medicale și magice.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Vinogradnoe, tumulul 24: mormântului 18, vedere generală (foto de Y. Rassamakin).

Fig. 2. Vinogradnoe, tumulul 24: 1 - resturile acoperișului și secțiunea gropii mormântului 18, vedere generală; 2 - desenul în acuarelă al mormântului 18.

Fig. 3. Vinogradnoe, tumulul 24, mormântul 18: inele de tâmplă din argint.

Fig. 4. Vinogradnoe, tumulul 24, mormântul 18: modelul de rășină al nasului, desen în acuarelă.

Fig. 5. Vinogradnoe, tumulul 24, mormântul 18: modelul de rășină al nasului (foto de Y. Rassamakin).

Fig. 6. Obloi, tumulul 2, rășină din înmormântări: 1, 2 - mormântul 16; 3 - mormântul 23 (fotografie de G.I. Lysenko).

A unique find of a cast of a nose from a grave of the Pit Grave culture, the Molochnaya River region (Ukraine)

Keywords: Eneolithic period, Early Bronze Age, Pit Grave culture, resinous substances, tar, kurgan graves.

Abstract: A burial of a young woman belonged to the Pit Grave culture revealed a cast of a nose made of a resinous substance on the face of a badly crushed skull; the cast was covered with a layer of bright red ochre. It had been formed as a result of the fact that shortly before her burial a nose of the deceased, below the bridge, was carefully covered with a thin layer of liquid resin and painted over with red ochre. The cast retains well-defined details that perfectly reflect the natural shape of the deceased's nose: its shape, size, nostrils, transition into the upper lip and to the nasal bridge. Due to the decomposition of soft tissues and hardening of resin, the shape has been slightly deformed but, nevertheless, it reflects anatomical features of one of the bearers of the local Pit Grave culture.

A short resin plaque clamped between the teeth of the deceased is less informative. It shows the prints of several teeth and a fold which, probably, delineates the imprints of closed lips.

In connection with these finds the author discusses other cases of presence of resinous substances in graves of the Early Bronze Age (burials of the Pit Grave culture and burials of the early Catacomb type); also cited are examples from the burials of the earlier Late Eneolithic period. Analysis of resinous substances from the latter defined them as tar. Therefore, the author suggests that in the late Eneolithic and the Early Bronze Age the population used resinous substances for therapeutic and magical purposes.

List of illustrations:

Fig. 1. Vinogradnoe, kurgan 24: grave 18 (photo Yu. Ia. Rassamakin).

Fig. 2. Vinogradnoe, kurgan 24: 1 - plan, remains of the pit covering and profile of grave 18; 2 - watercolor drawing of burial 18.

Fig. 3. Vinogradnoe, kurgan 24, grave 18: silver temple pendants.

Fig. 4. Vinogradnoe, kurgan 24, grave 18: watercolor drawing of the resin cast of a nose.

Fig. 5. Vinogradnoe, kurgan 24, grave 18: resin cast of a nose (photo Yu. Ia. Rassamakin).

Fig. 6. Obloi, kurgan 2, resin: 1, 2 - grave 16; 3 - grave 23 (photo G.I. Lysenko).

19.09.2017

Др. Юрий Рассамакин, Институт археологии НАН Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, e-mail: yuri.rassamakin@gmail.com